

1. Поле боя

Консерватизм в оперетте тем агрессивнее, что возмутителей спокойствия тут мало. Их легко выдать за чужаков-пришельцев: идите, мол, в драму, у нас тут святое царство музыки, не до новаций. На стороне «консерваторов» обычно и типичная для этого театра публика, вскормленная жанром, где штамп — едва ли не способ существования. Зритель, воспитанный в понимании оперетты как исключительно сладкой грезы.

Любой театр в этом жанре, затеявший экспериментировать и делать спектакли не только эффектные, но и содержательные, обречен пройти трудный путь смены аудитории. От него непременно отшатнутся те, кто любит посмотреть на «изячную жизнь», а ценители придут не сразу. Тот уровень, что достигнут сегодня мировым музыкальным театром, требует аудитории столь же эстетически развитой, как и любая сфера серьезного творчества.

В своем консерватизме оперетта не просто остановилась. Она пошла вспять. Некогда храброе, будоражащее публику, по-эстрадно актуализированное и демократичное искусство давно стало усыпляющим музеем восковых фигур, где, потеряв всякую способность к самоиронии, всерьез мыкаются графини в перьях. Театры привыкли обходиться вовсе без режиссуры. Актеры смотрят на дирижера и пребывают в позах, утвержденных чьим-то озарением еще в начале века. Это здесь называется «классика».

Театров, где бьется творческая мысль, — наперечет: Свердловск, Рига... Был Ленинград, но там «консерваторы» одержали победу столь сокрушительную, что нет больше ни экспериментов, ни даже здания театра, выставшего блокаду, но не выдержавшего агрессии опереточной рутины.

Вторая точка, через которую проходит линия баррикад, — спор между Музыкой и Театром. Опять-таки спор там, где должно быть единство, ведь в соединении усилий — смысл музыкального театра. Но вокалисты неприязненно относятся к режиссеру, который ставит сложные сценические задачи и тем мешает петь. Они видят свое призвание единственно в красивом звукоизвлечении и думают, что этого для театра вполне достаточно. Здесь, конечно, огрехи всей традиционной подготовки оперного и опереточного артиста, их приходится искупать ценой не только свирепых кон-

за того и другого. И очнутся, еще смогут, человек с киноаппаратом, конец, что неудавшаяся их последней вступая прощание все-та

фликтов, сотрясающих практически любой театр, но и застойностью целых жанров и видов театрального творчества.

Таков пейзаж перед взрывом.

2. Бикфордов шнур

Мне уже приходилось рассказывать о расколе, происшедшем в Минском театре музыкальной комедии («Жестоким уроком», «СК», 9 июля, 1987). Шла война амбиций между главным дирижером и главным режиссером. Минувало время. В театре другой главный дирижер, другой режиссер. Но раскол углубился настолько, что грозит уничтожением завоеваний, важных не только для театра, но и всего жанра.

Обе стороны искренне верят в свою правоту. И обе по-своему правы, как бывают правы люди разной веры. Хотя, я думаю, все согласны с тем, что театр не может жить ни без классики (и здоровой дозы консерватизма), ни без поисков новых путей. А если согласны, то и надежда на взаимопонимание пока есть.

Мне лично категорически не близки спектакли, которые в Минске считаются наиболее «кассовыми»: «Летучая мышь», «Ночь в Венеции», «Дьявольский наездник», «Фрагмента» — прекрасная музыка существует там в атмосфере абсолютной спенической рутины. Штамп — в актерском поведении, в самой концепции опереточного спектакля — стал как бы эстетической нормой, законом, «специфической жанра».

У такого искусства, естественно, есть и свои мастера, свои адепты. Они ему искренне и верно служат и порой способны доставить истинное наслаждение хорошей вокальной школой. Кроме того, консерватизм вовсе не есть мета бездарности. Но чаще побеждает здесь не столько мастерство или яркая одаренность, сколько приверженность усвоенным навыкам, выдаваемым за традицию. Тогда консерватизм мудрый, «джентльменский» перерождается в силу агрессивную, враждебную любому поиску и свежей мысли.

Но вот в Минский театр пришел режиссер со своей, во многом революционной концепцией музыкального театра. И первые же его спектакли раскололи труппу на две части. В одной оказались те, кому интересно изобре-

СВЕТ—В ЗАЛ!

Проблема новаторов и консерваторов — из разряда вечных. В искусстве оба термина условны: консерватизм — не всегда порок, а экспериментаторство — не всегда победа. Оттого еще непримиримее конфликты. То, что должно сосуществовать, пытается друг друга уничтожить.

Драма с опереттой

свое собственное отношение к событиям и обстоятельствам. Он отдавал не вполне живым экранным героям свою искренность и энергию чувств. «Первый эшелон» М. Калатозова — картина, в которой человек с киноаппаратом еще не рискует открыться в своих романтических чувствах. Лишь несколько позже он возьмет на себя роль «первого любовника» в последующих калатозовских фильмах: «Летят журавли», «Неотправленное письмо», «Я — Куба».

Во второй половине 50-х годов «я» еще способно было возродиться, взять на себя ношу ответственности за справедливое мироустройство. В кино начался процесс деколлективизации, когда человек, обладающий чувствами,

— Сергей Юрков
«Свет в зал» — фильм о режиссере, который не боится конфликтов, который не боится экспериментов, который не боится искать новые пути, который не боится идти против течения, который не боится быть первым.

